

Беременна

от генерала-пришеляца

ЭЛИССА ТИР

Элисса Тир Беременна от генерала-пришельца

<https://litres.ru/74207483>

Аннотация

Маша ветеринар. Она живет скромно, ни на что не рассчитывает. Ее прошлые отношения закончились неудачей. Но к ней на участок упал инопланетянин, но не простой, а сам генерал!

Содержание

Глава 1. Обычное утро обычной женщины	4
Глава 2. Звездопад над огородом	10
Глава 3. Находка в капусте	13
Глава 4. Первый контакт (и отключение)	18
Глава 5. Диагноз: космический потерпевший	23
Глава 6. Разговор на троих (с котом Тишей)	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1. Обычное утро обычной женщины

Будильник заорал ровно в шесть утра мерзким звуком заводной дрели. Маша специально ставила такой звук, потому что нежные мелодии она просто отключала во сне, даже не просыпаясь.

– Твою ж дивизию, – прохрипела она в подушку, нашаривая трясущейся рукой кнопку повтора.

Тело категорически отказывалось покидать нагретое место. За окном февральское утро только начинало сереть, батареи традиционно грели вполсилы, а из крана на кухне, судя по звуку, сегодня ожидалось нечто среднее между ржавым Ниагарским водопадом и тонкой струйкой ледяной мочи.

Тиша, пушистый рыжий комок весом в восемь килограммов чистой наглости, уже оккупировал её ноги. Кот спал ровно так, чтобы Маша не могла пошевелиться, но при этом делал вид, что он тут вообще ни при чём, просто маленький пушистый ангел прилёг отдохнуть.

– Тихон, имей совесть, – простонала Маша, пытаясь вытащить ногу из-под кота. – Ты не обогреватель, ты паразит.

Тиша приоткрыл один глаз, оценил ситуацию, вздохнул с таким видом, будто это он тут несчастная жертва обстоятельств, и продолжил дрыхнуть, лишь сильнее придавив хо-

зайку лапой.

Мария Сергеевна Ветрова, двадцати восемью лет от роду, ветеринарный врач со стажем пять лет, несчастная обладательница кота-тирана и скромного домика на окраине посёлка Северный, совершила утренний подвиг – встала с кровати.

Холодный пол встретил её пятки предательским ознобом.

– Господи, когда же я куплю эти дурацкие тапки, – пробормотала она, ёжась и натягивая старенький халат, который ещё мама привозила в подарок года три назад. Халат был тёплым, махровым и выцветшим до состояния «непонятно-серый», но Маша его обожала.

На кухне её ждало фиаско. Горячей воды не было. Совсем.

– Прекрасно, – констатировала она, глядя в кран. – Просто великолепное начало дня.

Пришлось греть чайник и умываться ледяной водой, от которой сердце на секунду останавливалось, а потом начинало биться с удвоенной силой, будто пыталось наверстать упущенное. Кофе спас ситуацию. Кофе всегда спасал ситуацию. Чёрный, крепкий, с сахаром и каплей молока. Этот ритуал Маша соблюдала свято. Кофеварки у неё не было, была старая турка, доставшаяся от бабушки, и Маша верила, что только так правильно, с пенкой, с тремя ложками сахара, а после можно начинать день.

Тиша, учуяв запах еды, материализовался на кухне быстрее, чем Маша успела сделать первый глоток. Он сел ровно

посередине прохода, распушил хвост и уставился на хозяйку голодными глазами мученика, которого не кормили как минимум неделю.

– Врёшь, – сказала Маша, но полезла в холодильник за сметаной. – Ты вчера полпачки умял, пока я на вызове была. Я видела, как ты мордой в баночку лез.

Кот согласно мяукнул: «Мол, было дело, вкусно, давай добавки».

Покормив кота и допив кофе, Маша начала сборы. Работа в ветклинике начиналась в девять, но она любила приходить пораньше, чтобы спокойно подготовиться, пока еще не началась обычная суматоха рабочего дня.

Клиника располагалась в центре посёлка, в старом одноэтажном здании бывшей аптеки. Там пахло лекарствами, шерстью и почти всегда варёной курицей: бабушка-вахтёрша, тётя Зоя, приносила обед и грела в микроволновке.

Первый пациент – хомяк Борис. Борис, судя по словам хозяйки, пятилетней девочки Кати, «грустил и мало ел». На самом деле Борис просто старел и много спал, что для хомяка в его возрасте было нормой. Маша вздохнула, выдала стандартные рекомендации, погладила Катю по голове и получила в подарок рисунок. Кривоватого зелёного хомяка с надписью «доктар малидзес».

Второй пациент – агрессивный пёс породы «двор-терьер» по кличке Бакс, который, по словам хозяина, «чего-то заскучал и погрыз диван». Бакс скалился, рычал и пытался уку-

сить Машу, но она, не обращая внимания на угрозы, ловко осмотрела ему пасть и нащупала застрявшую между зубов щепку. Хозяин, мужик с похмелья, смотрел на неё с уважением.

– Вы бы, Михаил Петрович, собаке кости не давали, которые щепой крошатся, – строго сказала Маша. – И сами бы завязывали свое здоровье портить.

Мужик крикнул, забрал пса и ушёл.

К обеду Маша чувствовала себя выжатым лимоном. Три кота, две собаки, один попугай, который выщипал себе перья (тоже «грустит», да), и морская свинка с подозрением на лишай. Зарплата, если честно, была смешной. Едва хватало на жилье, еду и корм Тише. О новом пальто она даже не мечтала, а сапоги, в которых ходила третью зиму, уже начинали пропускать воду.

– Маш, ты чего кислая такая? – спросила напарница, медсестра Света, жуя пирожок. – Опять про сапоги думаешь?

– И про сапоги, и про море, – честно призналась Маша. – Мечтаю съездить куда-нибудь, где тепло. Лежать на песке, греться на солнышке и чтобы никто не жаловался, что у кота запор.

– Мечтать не вредно, – хмыкнула Света. – Ты бы лучше мужика себе нормального нашла. С мужиком и сапоги, и море были бы.

– Ага, – отмахнулась Маша. – Мужик – это риск. Кто знает, что он помимо сапог и моря с собой принесет? Проблемы

от мужика – это всегда сюрприз. Нет уж, спасибо.

В семь вечера, когда последний пациент отправился во-
свояси, Маша собралась домой. Натянула куртку, замоталась
шарфом, нахлобучила шапку. На улице мороз крепчал, звёз-
ды высыпали на небе яркие, крупные, как горошины. Маша
подняла голову, вдохнула холодный воздух и зачем-то по-
смотрела вверх.

«Красиво, – подумала она. – Интересно, есть там кто-ни-
будь? Или мы одни такие дураки, мёрзнем, работаем за ко-
пейки и мечтаем о сапогах?»

Ответа не последовало. Только где-то далеко мигнула и
погасла звезда.

– И вам не хворать, – буркнула Маша и побрела к оста-
новке.

Дома её ждал Тиша, холодная батарея и вчерашний суп.
Она разогрела ужин, поела под какой-то сериал, где краси-
вые люди решали нереальные проблемы, и уже собралась ло-
житься спать, как вдруг заметила странную вспышку за ок-
ном.

Яркая, бело-голубая, она полыхнула где-то над лесом и
погасла. Не похоже на молнию. И не похоже на падающую
звезду: те обычно чертят небо полоской, а тут просто вспыш-
ка, как будто кто-то включил гигантский фонарик и сразу
выключил.

– НЛО, что ли? – хмыкнула Маша сама себе. – Ну да, щас.
Пришельцам только в нашей дыре и делать нечего. Мороз,

снег, картошка в подвале. Красота.

Она задернула штору, поцеловала Тишу в лохматый лоб
и провалилась в сон.

Глава 2. Звездопад над огородом

Ночь была холодной и звёздной. Тиша, как обычно, спал в ногах, периодически пихая хозяйку лапами, когда ему снились особо захватывающие охотничьи сны.

Маше снилось море. Тёплое, ласковое, бирюзовое. Она лежала на песке, пила что-то вкусное с зонтиком, и тут к ней подходил высокий блондин с голубыми глазами и говорил: «Мария, вы прекрасны, позвольте подарить вам сапоги». Сапоги были красные, лаковые, просто мечта.

– ДРЫЫЫЫН! – реальность ворвалась в сон самым грубым образом.

Маша подскочила на кровати, пытаясь сообразить, где она и что происходит. Сердце колотилось где-то в горле.

– ДРЫЫЫЫН! – надрывались где-то на улице странные звуки.

Тиша, уже стоящий на подоконнике с выгнутой спиной и распушённым хвостом, напоминал маленького рыжего динокобра.

– Твою ж за ногу, – выдохнула Маша, растирая лицо руками. Часы показывали половину четвёртого утра.

Что-то выло так, что, казалось, стёкла сейчас лопнут. А потом раздался ГРОХОТ.

Не просто звук, а настоящий удар, от которого задрожал пол и жалобно звякнула посуда на кухне. Тиша сиганул с под-

оконника и забился под кровать, откуда доносилось только испуганное «мявк».

– Что за... – Маша вскочила, накинула халат на ночнушку и, сунув ноги в резиновые сапоги, выскочила на крыльцо.

Холод обжёг лицо. Февраль не шутил. Луна светила ярко, и в её свете Маша увидела нечто, от чего у неё отвисла челюсть.

В её огороде, там, где летом росла картошка, а сейчас лежали сугробы, зияла дыра. Настоящая воронка. Метра три в диаметре, не меньше. Снег вокруг был чёрным, оплавленным, земля парила, оттуда валил какой-то странный, пахнущий озоном и горелым металлом дым.

– Это что еще такое? – только и смогла выдавить Маша.

Первая мысль – метеорит. Вторая – самолёт упал. Третья – самая идиотская: пришельцы.

Она, дрожа не то от холода, не то от шока, взяла фонарик, который всегда висел в сених, и, как была в халате и резиновых сапогах на босу ногу, пошла к воронке. Снег хрустел под ногами, колючий и глубокий, набивался в сапоги, но Маша не замечала.

Она подошла к краю воронки и посветила вниз.

В центре, вмятая в мёрзлую землю, лежала капсула. Примерно два метра в длину, полтора в ширину, обтекаемой формы, серебристо-чёрная, с оплавленными боками. Она слабо светилась изнутри, и по её поверхности пробегали голубоватые искры.

– Мамочки... – прошептала Маша.

Она сделала шаг вперёд, поскользнулась на обледенелом краю и, взмахнув руками, кубарем покатилась вниз, прямо к капсуле.

Приземлилась больно, набив себе шишку и наглотавшись дыма. Фонарик погас, но света от капсулы было достаточно, чтобы видеть.

Капсула зашипела. С тихим пневматическим звуком верхняя крышка откинулась в сторону, выпуская клубы пара.

Маша замерла, вжавшись в холодную землю.

Внутри, на ложе из какого-то гелеобразного материала, лежал ОН.

Мужчина. Огромный. Даже в полутьме было видно, что под два метра ростом. Широченные плечи, мощная грудь, закованная в тёмно-серую броню с чёрными вставками. На груди горел слабый красный огонёк. Лицо было красивым, даже очень. Чёткие, резкие черты, волевой подбородок, губы плотно сжаты, глаза закрыты. Волосы тёмные, короткие, но на висках странные, более светлые пряди, отливающие серебром.

Он был без сознания. Из раны на боку, там, где броня была пробита, сочилась зелёная кровь.

Маша смотрела на него и чувствовала, как от страха немеют пальцы.

А потом он открыл глаза.

Глава 3. Находка в капусте

Глаза у него были нечеловеческие. Вернее, форма человеческая, разрез нормальный, но цвет! Цвет был ярко-синим, почти светящимся, с вертикальным зрачком, как у кошки, только расширенным.

Эти глаза уставились прямо на Машу.

Она заорала. Он попытался вскочить, но, видимо, что-то пошло не так. Броня заскрежетала, из динамиков на груди вырвался сдавленный электронный хрип, и он рухнул обратно в капсулу, снова потеряв сознание.

Маша сидела в снегу, дрожа всем телом, и смотрела на неподвижного пришельца. Мысли в голове метались, как угорелые тараканы.

«Это сон. Точно сон. Я сейчас проснусь, и Тиша будет лежать у меня на ногах, и ничего этого нет. Пожалуйста, пусть это будет сон».

Она ущипнула себя за руку. Больно. Очень больно.

Не сон.

– Так, – сказала Маша вслух, чтобы успокоиться. – Так, Мария, возьми себя в руки. Ты ветеринар. Ты видела и не такое. Ну, почти. Это... это просто... большой пациент. Очень большой. И очень странный.

Она заставила себя встать и подойти ближе. Мужчина не шевелился. Грудная клетка вздымалась. Дышит. Значит, жи-

вой.

Маша осторожно протянула руку и коснулась брони. Металл был тёплым, даже горячим, но не обжигал. Она провела пальцами по краю пробитого бока. Материал необычный. Она таких не знала. Не титан, не сталь, что-то другое, на ощупь гладкое, как стекло, но твёрдое.

«Десантник? – подумала она. – Может, с военного самолёта выпал? Но где тогда парашют? И почему кровь зелёная? И глаза...»

Взгляд упал на руку. Пальцы длинные, сильные, но на каждом по две фаланги, а не по три, как у людей. И кожа отливает лёгкой синевой.

– Пришелец, – выдохнула Маша. – Настоящий, мать его, пришелец. Упал в мой огород. В мою картошку.

Истерический смех подкатил к горлу. Она зажала рот рукой, чтобы не расхохотаться.

Нужно было что-то делать. Он замёрзнет здесь насмерть, если уже не замёрз. Февраль всё-таки. А он в одной броне, даже без шлема.

Маша собралась с духом. Она была маленькой, метр шестьдесят пять, шуплой, сколько ни корми. А этот бугай весил, наверное, килограммов под сто двадцать, вместе с бронёй вообще неизвестно сколько.

– Ну, давай, – сказала она ему, как нашкодившему коту. – Помогай, что ли.

Схватив его под мышки, она попыталась вытащить из кап-

сулы. Это было бесполезно. Он даже не сдвинулся.

– Тяжёлый, зараза, – пропыхтела Маша, вытирая пот со лба. – И как тебя такого тащить?

Она огляделась. До дома метров пятьдесят. Есть сарай, прямо у огорода. Если затащить его в сарай, там теплее, чем на улице, можно укрыть старыми одеялами.

Но как?

Маша заметила кусок старого брезента, которым летом накрывала дрова. Расправила его рядом с капсулой. Потом, упираясь ногами в мёрзлую землю, кое-как перевалила тяжёлое тело на брезент.

– Ну, ты и бегемот, – выдохнула она, садясь на край капсулы, чтобы перевести дух. Сердце колотилось как бешеное.

Потом она взялась за край брезента и потащила.

Это был ад. Настоящий ад. Резиновые сапоги скользили по замёрзшей земле, халат развязался и полоскался на ветру, снег набивался в ботинки, но Маша тащила. Сантиметр за сантиметром. Она злилась, ругалась матом, мысленно проклинала и этого придурка, который упал именно к ней, и себя за то, что она такая дура, что зачем-то желает ему помочь.

Но она тащила.

Потому что он был живой. Потому что он нуждался в помощи. Потому что Маша Ветрова никогда не могла пройти мимо раненого животного, а тут человек. Почти человек. Расстояние она преодолевала, кажется, целую вечность. Когда брезент наконец перевалился через порог сарая, Маша

рухнула на колени, тяжело дыша.

– Я... тебя... ненавижу... – прохрипела она, глядя на бесчувственное тело. – Если ты сдохнешь... я тебя лично... прикопаю... в той же воронке.

Она нашла в углу старые ватные одеяла, которыми укрывала рассаду, и накрыла его. Броня была всё ещё тёплой, но мало ли. Потом подложила ему под голову мешок с тряпьем.

В сарае пахло сеном, старой древесиной и бензином от газонокосилки. Слабый свет проникал сквозь щели в стенах.

Маша сидела рядом с ним на корточках и рассматривала его лицо. Во сне он казался почти человеческим. Только скулы слишком острые, брови чуть шире, чем надо, и кожа с этим странным отливом. Но красивый. Очень красивый. Даже слишком.

– Ты кто такой? – прошептала она, осторожно касаясь пальцами его лба. Кожа была горячей, но не ледяной, как на улице. Живой.

В этот момент его рука, лежавшая на броне, дёрнулась и перехватила её запястье. Хватка была стальной, не разжать.

Маша вскрикнула. Глаза прищельца открылись. Синие, светящиеся, с вертикальным зрачком. Они смотрели на неё с такой концентрацией, что у неё перехватило дыхание.

– Ты... – прошептал он на каком-то гортанном языке, но голос был глубоким, вибрирующим.

А потом его веки снова опустились, рука разжалась, и он провалился в беспамятство.

Маша сидела, прижимая к груди ушибленное запястье, и смотрела на него.

Жизнь её только что разделилась на «до» и «после». И что будет в этом «после», она не имела ни малейшего понятия.

Глава 4. Первый контакт (и отключение)

Утро наступило неожиданно быстро. Маша не помнила, как добрела до дома и рухнула в кровать. Тиша, видимо, успокоившись, уже сидел на подоконнике и требовал завтрак.

В голове гудело. Тело ломило, будто она всю ночь мешки таскала. Ах да, она и таскала.

Маша вскочила, накинула халат (второй, сухой, потому что первый валялся где-то в сенях мокрым комком) и, сунув ноги в валенки, выбежала на крыльцо.

Солнце уже встало, слепило глаза, отражаясь от снега. Воронка в огороде была на месте. Чёрная, страшная, с оплавленными краями. Капсула тоже была на месте, но крышка её была закрыта.

– Так, – сказала Маша вслух, чтобы собраться с мыслями.
– Значит, не приснилось.

Она подошла к сараю. Толкнула дверь.

Внутри было тихо. Тело на брезенте лежало там же, где она его оставила. Укрытое одеялами. Но броня больше не светилась, огонёк на груди погас.

– Эй, – позвала Маша тихо. – Ты живой?

Ответа не было.

Она подошла ближе, присела на корточки. Пришелец дышал. Грудная клетка равномерно вздымалась. Но выглядел он бледнее, что ли. Синеватый отлив кожи стал заметнее.

Маша осторожно откинула одеяло и осмотрела рану на боку. Вчера в темноте она не разглядела, но сейчас было видно: ожог. Серьёзный ожог, края почерневшие, и эта странная зелёная сукровица сочится.

– Нужно обработать, – пробормотала она привычно, как на работе. – И накормить. И согреть.

Она сбегала в дом, собрала свою ветеринарную аптечку. Антисептик, бинты, мазь от ожогов. Может, и для инопланетян сойдёт? На кухне налила в миску горячего куриного бульона, отломил кусок хлеба. Подумала и добавила ложку сметаны, авось не отравится.

Вернувшись в сарай, она застала его открывающим глаза.

На этот раз он не хватался за нее. Он просто лежал и смотрел на неё. Взгляд был осмысленным, но безумно уставшим.

– Привет, – сказала Маша, стараясь говорить спокойно, как с испуганной собакой. – Ты как? Есть хочешь?

Он моргнул. Потом пошевелил губами и выдал длинную фразу на своём языке. Звучало гортанно, но мелодично.

– Не понимаю, – развела руками Маша. – Русский понимаешь? English? Deutsch? Немецкий? – она вспомнила школьную программу. – Parlez-vous français?

Он снова моргнул и сделал попытку приподняться. Броня заскрежетала, из динамика на груди вырвался треск, и вдруг

раздался механический голос:

– П-п-п-опытка... перевода... неуд...ачна... Модуль... повреждён...

– О! – обрадовалась Маша. – Так ты разговариваешь!

Пришелец, видимо, услышал перевод, потому что его брови удивлённо поднялись. Он снова что-то сказал, и динамик затрещал:

– Где... я? Кто... ты?

– Ты в моём сарае, – чётко и громко сказала Маша, надеясь, что переводчик её поймёт. – Ты упал с неба. В мою картошку. Я тебя сюда притащила. Ты ранен. Я – Маша. Ветеринар.

– Вете...ринар? – механический голос с трудом выговорил слово. – Лекарь животных?

– Ну да, типа того, – кивнула Маша. – А ты кто?

Пришелец попытался встать, но сил не хватило. Он рухнул обратно, глухо зарывав от боли. Рука потянулась к поясу, где висело какое-то оружие, но пальцы лишь бессильно скользнули по рукояти.

– Тихо, тихо, – Маша присела рядом и положила ладонь ему на плечо, останавливая. – Лежи. Не дёргайся. Тебе нельзя.

Он посмотрел на её руку, потом ей в глаза. И вдруг его зрачки расширились, дыхание стало чаще, а рука, та самая, что вчера сжала её запястье стальным капканом, потянулась к её лицу.

Маша замерла.

Он коснулся её щеки кончиками пальцев. Двухфаланговых, тёплых, чуть шершавых. Провёл по скуле, по линии подбородка, словно изучал, запоминал. Взгляд его синих глаз был таким напряженным, что у неё перехватило дыхание.

– Ты, – снова сказал он, и на этот раз даже без переводчика было понятно, что это не вопрос, а утверждение.

А потом его рука безвольно упала, глаза закатились, и он снова отключился

– Эй! – Маша похлопала его по щекам. – Эй, ты чего? Очнись!

Никакой реакции.

Она схватила его за запястье, пытаясь нащупать пульс. Нашла с двух сторон, как и положено. Билось часто, но ровно.

– Обморок, – констатировала Маша. – От голода и истощения. Ну, ты даёшь, красавчик.

Она вздохнула, поправила одеяло и села рядом, прислонившись спиной к стене сарая.

– И что мне с тобой делать? – спросила она у бессознательного пришельца. – В полицию заявить? Скажут, что спятила баба. В ФСБ? Меня саму упрячут куда подальше. В газеты? Засмеют.

Тишина. Только его ровное дыхание.

Маша посмотрела на его лицо. На острые скулы, на красивый рот, на разметававшиеся тёмные волосы с серебристы-

ми прядями на висках.

— Ладно, — сказала она наконец. — Вылечу тебя, а там видно будет. Но знай, гад космический, если ты окажешься агрессором и захочешь захватить Землю, я тебя лично скалкой пристукну. Договорились?

Пришелец, разумеется, не ответил.

Но Маше показалось, что уголки его губ чуть дрогнули. Или это была просто игра света.

Глава 5. Диагноз: космический потерпевший

Следующие два дня превратились для Маши в сплошной бесконечный сериал под названием «Выживи, если сможешь». Она отпросилась с работы, сказавшись больной. Света ворчала, но согласилась подменить ее. Тиша был в недоумении: хозяйка постоянно пропадала в сарае, таскала туда тёплую воду, бинты и еду, а его, кота, игнорировала.

– Тихон, не ревнуй, – уговаривала Маша кота, наливая в очередную миску бульон. – Это пациент. Тяжёлый. Сам понимаешь.

Тиша не понимал. Он сидел на крыльце и сверлил дверь сарая возмущённым взглядом.

Пришелец приходил в себя урывками. То открывал глаза на минуту, смотрел на неё мутным взглядом и снова проваливался в сон. То начинал бредить на своём языке, и тогда переводчик, который работал с перебоями, выдавал странные фразы: «Квазар... импульс нестабилен... приказ адмирала... она... кто она...»

Маша слушала и мотала на ус. Значит, военный какой-то. И, судя по всему, высокого ранга.

На третий день, когда она пришла в сарай с очередной порцией бульона и чистыми бинтами, он сидел.

Сидел, прислонившись спиной к стене, и смотрел на неё. Осознанно. Трезво.

– Привет, – сказала Маша, останавливаясь в дверях.

– Привет, – ответил он. Чётко, по-русски, хоть и с жутким акцентом, больше похожим на рычание.

– Ого! – удивилась Маша. – Ты выучил?

– Модуль адаптировался, – он коснулся виска, где под кожей, кажется, что-то слабо светилось. – Я слышу твою речь и понимаю. Говорить сложнее.

– Ну, для первого раза неплохо, – Маша поставила миску рядом с ним. – Ешь давай. Бульон куриный. Полезно.

Он посмотрел в миску. Понюхал. На лице отразилась сложная гамма чувств: от подозрения до любопытства?

– Что это?

– Суп. Ну, бульон. Жидкость. Еда.

Он осторожно взял миску в руки (она казалась крошечной в его ладонях) и сделал глоток. Замер. Сделал ещё один.

– Тепло, – сказал он удивлённо. – И вкус странный. Но приятный.

– Это курица, – пояснила Маша, присаживаясь на корточки напротив. – Птица такая. Мы их едим.

– Едите птиц? – Он посмотрел на неё с неподдельным ужасом.

– Ну да. А что? Вы не едите?

– Мы синтезируем пищу, – объяснил он. – Белки, аминокислоты, витамины. Мы не убиваем живых существ для еды.

Маша почувствовала себя последней варваршей.

– Ну, извини, – буркнула она. – У нас тут цивилизация не настолько продвинутая. Хочешь, можешь не есть.

Он посмотрел на миску, потом на неё, и вдруг уголок его губ дрогнул в чём-то, очень похожем на улыбку.

– Я буду есть. Спасибо.

Он опустошил миску за три глотка. Маша смотрела на него во все глаза. Как он двигался, как поворачивал голову, как смотрел: во всём чувствовалась мощь, хищная грация, даже сейчас, когда он раненый и ослабевший.

– Как тебя зовут? – спросила она, когда он поставил пустую миску на пол.

– Рэкс-Айзен-Тор Восьмой, – ответил он.

– Рэкс, значит, – улыбнулась Маша. – Как собачья кличка.

Он не понял юмора. Нахмурился.

– Собака? Это хищник?

– Ну, типа того, – хмыкнула Маша. – Ладно, не бери в голову. Я Маша. Мария Сергеевна Ветрова.

– Ма-ша, – повторил он, смакуя каждый слог. Голос у него был низкий, вибрирующий, и когда он произносил её имя, у неё по спине пробегали мурашки. – Красиво.

– Ага, – смутилась Маша. – Ладно, давай я рану посмотрю.

Она пододвинулась ближе, откинула край его куртки (бронею он снял на второй день, с её помощью. Это была целая эпопея, потому что крепления заклинило). Под курткой оказалась простая чёрная ткань, облегающая мощный торс.

– Отвернись, – попросил он.

– Чего?

– Отвернись. Ты смотришь на меня.

– Я рану смотрю, балда, – фыркнула Маша. – Не стесняйся. Я ветеринар, я такое видала... ну, не такое, конечно, но всё же.

Он подчинился, но было видно, что ему это неприятно. Маша ловко сняла старую повязку, осмотрела рану. Ожог затягивался. Прямо на глазах. Края стягивались, новая кожа была чуть более бледная, с синеватым отливом. Она нарастала поверх обожжённой.

– Ни фиги себе, – выдохнула она. – У вас регенерация, что ли?

– Ускоренная, – кивнул Рэкс. – Но требует энергии. Поэтому я слаб.

– Понятно, – Маша смочила чистую тряпку в антисептике (своём, человеческом, но чем чёрт не шутит) и приложила к ране.

Рэкс вздрогнул. Дёрнулся. И вдруг его рука снова легла на её запястье, останавливая.

– Не надо, – сказал он тихо. – Это причиняет дискомфорт.

– Так надо, – строго сказала Маша, пытаясь высвободиться. – Для дезинфекции.

– У меня иммунитет к местным бактериям, – возразил он. – И к вашим химикатам тоже. Это просто жжёт.

– А, ну если жжёт, тогда терпи, – она ловко вывернулась из

его хватки и быстро протёрла рану. Потом наложила чистую повязку. – Всё. Можешь теперь меня душить.

Он смотрел на неё с каким-то странным выражением. Восхищение? Недоверие? Благодарность?

– Ты странная, – сказал он наконец.

– Это почему?

– Ты спасла меня. Чужака. Опасного. Рискую собой. Почему?

Маша пожала плечами.

– А ты бы прошёл мимо раненого котёнка?

– Котёнок? – Он нахмурился. – Это мелкий хищник?

– Ну, Тиша – кот, – Маша усмехнулась. – Ладно, неважно.

Суть в том, что я не могу пройти мимо того, кому нужна помощь. Так воспитана. Люди так воспитаны. Хорошие люди.

– Люди, – повторил он. – Ваша раса. Вы удивительные.

– Ага, прямо сокровище, – отмахнулась Маша. – Ладно, отдыхай. Я вечером приду, принесу поесть.

Она встала и направилась к выходу.

– Маша, – окликнул он.

Она обернулась.

– Спасибо.

Синие глаза смотрели на неё с такой серьёзностью, что у неё снова перехватило дыхание.

– Обращайся, – выдавила она и выскочила из сарая, хватая ртом холодный воздух.

Сердце колотилось, как бешеное.

«Спокойно, Мария, – приказала она себе. – Это просто пациент. Необычный, но пациент. Никаких глупостей».

Но где-то глубоко внутри уже зарождалось то самое глупое чувство.

Глава 6. Разговор на троих (с котом Тишей)

Прошла неделя. Рэкс окреп настолько, что мог уже ходить. Сначала по сараю, потом, с её разрешения, и по дому. Маша поселила его в своей единственной комнате, а сама перебралась на кухню, на раскладушку. Тиша был в восторге. Теперь можно было спать с хозяйкой, игнорируя раскладушку и требуя, чтобы его пустили под бок.

Рэкс осваивал быт. Медленно, но верно.

Он научился пользоваться ложкой (вилку сначала пытался применить как оружие), пить из кружки (не разбив её, что было подвигом) и даже открывать холодильник, хотя каждый раз заглядывал туда с таким видом, будто ожидал увидеть там портал в ад.

Язык он освоил быстро. К концу недели говорил понятно, но по-прежнему с акцентом, только иногда путал падежи и употреблял странные для человека конструкции.

– Маша, – спросил он однажды вечером, сидя на табуретке и наблюдая, как она чистит картошку. – Почему вы храните еду в холоде? На моей планете мы синтезируем её по запросу. Хранение – это неэффективно.

– У нас нет синтезаторов, – вздохнула Маша. – Мы картошку в земле растим, потом выкапываем, потом храним в

погребё, чтоб не сгнила.

– В земле? – Он нахмурился. – Вы едите корни?

– Ага. С салом и укропом. Пальчики оближешь.

Рэкс посмотрел на неё с уважением, смешанным с ужасом.

В тот вечер и случился легендарный инцидент с котом.

Маша как раз разогревала ужин, когда Тиша, который обычно игнорировал чужака, вдруг заинтересовался им. Кот подошёл к ногам Рэкса, обнюхал его штаны, потом поднял голову и посмотрел прямо в глаза.

Рэкс замер. Он видел это существо каждый день, но держался на расстоянии, считая его, видимо, опасным хищником.

Тиша, недолго думая, вспрыгнул ему на колени.

– О! – выдохнул Рэкс.

Кот устроился поудобнее, потоптался лапками, выпуская когти, и начал мурлыкать, как трактор.

– Что он делает? – спросил Рэкс, боясь пошевелиться.

– Мурлычет, – улыбнулась Маша. – Это значит, ему хорошо. Он тебя принял.

– Принял? – Рэкс осторожно, одним пальцем, погладил Тишу по спине. Кот выгнулся, подставляясь, и замурлыкал громче.

– Гладить можно, – разрешила Маша. – Только осторожно. Если ему не понравится, он укусит.

Рэкс погладил ещё. И вдруг лицо его изменилось. Суровая маска воина дрогнула, уступив место чему-то по детски

наивному. Он улыбнулся. Настоящей, открытой улыбкой.

– Мягкий, – сказал он удивлённо. – И тёплый. И этот звук, что он издает, успокаивает.

– Мурлыканье, – кивнула Маша. – Говорят, оно лечит.

Рэкс сидел, боясь пошевелиться, и смотрел на кота с таким обожанием, будто перед ним был не пушистый наглец, а священное животное.

– На моей планете нет таких существ, – тихо сказал он. – У нас есть животные, но они другие. Холодные. Чешуйчатые. Эти... – он погладил Тишу ещё раз. – Эти прекрасны.

Тиша, почувствовав, что его боготворят, окончательно расслабился, свернулся клубком на коленях у генерала и заснул.

Рэкс сидел неподвижно, боясь потревожить сон «опасного хищника».

Маша смотрела на эту картину и чувствовала, как в груди разливается тепло.

«Господи, – подумала она. – Какой же он милый. Грозный воин, а боится кота разбудить».

– Маша, – позвал Рэкс тихо, чтобы не разбудить Тишу. – Можно вопрос?

– Валяй.

– Почему ты одна? Где твой самец?

Она поперхнулась чаем.

– Мой кто?

– Самец. Партнёр. Тот, с кем ты производишь потомство.

– А, – Маша смутилась. – Нет у меня никого. Был один, да не сложилось.

– Почему?

– Ну, – она пожала плечами. – Не любил он меня по-настоящему. Ему от меня нужно было другое. А когда понял, что я не дам, ушёл.

Рэкс нахмурился.

– Он пытался принудить тебя к спариванию без контракта?

– Чего? – Маша рассмеялась. – Нет, у нас это называется «отношения». И контрактов мы не подписываем. Просто живём вместе. Если любим друг друга.

– Любовь, – повторил Рэкс задумчиво. – У нас это понятие абстрактное. Мы заключаем союзы по расчёту. Для продолжения рода. Дети рождаются в пробирках, по контракту.

– В пробирках? – ужаснулась Маша. – Совсем?

– Да. Естественное зачатие – редкость. Почти миф. Считается, что это было у предков, но теперь... – он покачал головой. – Мы потеряли эту способность. Слишком много генетических модификаций.

– Бедные, – вырвалось у Маши. – Вы даже не знаете, что такое... ну это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.